

НИКОЛАЙ ГАРИН-
МИХАЙЛОВСКИЙ

ДИКИЙ ЧЕЛОВЕК

Часть сборника: Детство Тёмы (сборник)

Деревенские панорамы

Николай Гарин-Михайловский

Дикий человек

«Public Domain»

1894

Гарин-Михайловский Н. Г.

Дикий человек / Н. Г. Гарин-Михайловский — «Public Domain», 1894 — (Деревенские панорамы)

«Что-то железное во всей коренастой фигуре Асимова. Дикая воля в татарских или монгольских с прорезами кверху глазах. Дик, нелюдим. Как будто кругом каким очертил себя: что в кругу, то его, — за кругом нет его ничего и хоть трава не расти. А с виду тихий, ровно и ласковый, — идет по селу — поклон отдает раздумчиво. Или возится когда у себя на пчельнике тут же за огородом. Придет Гурилев, бывало, под вечер, тоже старинный пчеляк, и пойдет у них разговор о роях, да о поносках, о матках вострохвостых, да теплых летних ночах, после которых так берут хорошо пчелки: недельку таких теплых дней — и полный улей меду...»

Николай Гарин-Михайловский

Дикий человек

Что-то железное во всей коренастой фигуре Асимова. Дикая воля в татарских или монгольских с прорезами кверху глазах. Дик, нелюдим. Как будто кругом каким очертил себя: что в кругу, то его, – за кругом нет его ничего и хоть трава не расти. А с виду тихий, ровно и ласковый, – идет по селу – поклон отдает раздумчиво. Или возится когда у себя на пчельнике тут же за огородом. Придет Гурилев, бывало, под вечер, тоже старинный пчеляк, и пойдет у них разговор о роях, да о поносах, о матках вострохвостых, да теплых летних ночах, после которых так берут хорошо пчелки: недельку таких теплых дней – и полный улей меду.

Кругом как в саду. Там вдали солнце садится и золотит пруд и мельницу. Ульи меж вербами, и птички на вербах поют звонко в тишине да приволье; пчелки на покой тяжело летят: подлетит, покружится и тяжело, тяжело ползет в улей.

Глядит Асимов: ветерок гладит волосы, шапки нет; так без шапки сидит – задумался.

Поглядеть: бери его голыми руками.

Нет, жесткий, тяжелый, скупой человек.

С Гурилевым с детства дружбу водит – прикончил и дружбу всю, как пришел просить денег. Разругались – теперь и не глядят при встрече друг на друга. Асимов увидит только – подумает: «Много вас, охотников на чужие деньги».

Теперь с дружбой к нему не подъедешь.

Все помнят лет тринадцать тому назад, как голодный год пришел. Клади у него немолодые по три, по четыре года стоят – другая вся уж сгнила, мыши съели, народ пухнет от голода, мрет – фунта не дал. Сжечь бы его, идола, так ведь и себя сожжешь. Да уж чужие бы так – своих-то хуже чужих гонит. Все равно ему, что пес последний, что чужой, что кровь родная. На что жену, и ту на тло извел... ушла к богу от аспида. Двух сыновей ему жена бросила. Без бабы, конечно, нельзя по хозяйству: так, какая-то тень человека без слов, сирота без роду – приживалкой мелькает в углах избенки; старая, мягкая, как тесто, с желтым лицом, а по нем все морщинки, в них и нос пуговка – торчит кверху, глаза крошечные без цвету, – так, скотина домашняя, приученная к делу.

И детям не больше чести.

Старший сын в мать: убогий, на правую ногу хромает, умом слаб. Рот откроет и смотрит, – ловит ворон. Отца как огня боится. Неумелый да робкий. И жену Варвару подобрал себе под масть и из семьи такой же, на все село известной – вся в негодной хвори. То в ноги, то в голову ударит Варваре, болячки по телу. Все носом тянет, все то и дело сморкается в передник, а глаза не то подгнивают, не то слезятся. Смотрит ими высокая, тонкая, молодая и – словно сказку читаешь в них о заколдованной царевне. Эх, сорвать бы проклятую хворь! Выглянула бы, как солнце из тучки, головка с мягкими, как шелк, волосами, с загадочным ласковым взглядом молодой человеческой души.

Уж самый последний на свадьбу сына вытрясет, выскребет, а наколотит-таки полста рублей. Старый скряга только что из харчей – хлеба да тельца дал, – ничего больше. Сам сын уже порядился к Василью Михеевичу на лето в работники с женой, тем и свадьбу сыграл. Так ведь что? Пришла весна – не пускает сына.

– Уйдешь, – назад не приходи... работника, что ль, себе нашел по зимам кормить тебя?

– Так ведь как же? – глядит Илья и рот раскрыл.

А в голове ровно жернова. То ли материнская тупость, то ли отец, бывало, малыша по голове тук да тук.

– Ну так ведь как же? Твоя же воля была свадьбу играть...

И опять:

– Ну так как же... деньги-то взяли...

Молчит отец, как отрезал. Молчит – согласился, значит. Ушел с женой к Василию Михеевичу.

– Ну так как же? Должен...

Пришла осень, пришел Илья с женой к отцу назад. Прогнал – и разговаривать не стал!

– Ну так как же...

Воет Илья, баба с ним рядом сидит, – даром что простой, а тоже озлился: народ идет – пусть смотрят люди добрые, как отец награждает сына. Так ведь смотри не смотри – его воля; вой не вой – прошибешь разве этим? Он и сам, поди, слушает да веселится, что шутя от дурака отвязался. Поселился Илья на углу против отцовской избы и живет, глядя, раскрывши рот, на отцовский дом, как пес голодный. Колотится: нужда... Там поработает, здесь, – тянет день до вечера всухомятку, а жаловаться миру на отца не идет.

Дети пошли. Сам, жена, трое детей, хозяева с детьми – шесть голов, одиннадцать всех. Жмутся в семиаршинной избенке из трехвершкового лесу, – зима придет – промерзнет тонкий лес, а с полу ровно со двора несет.

Заморыши дети у Ильки, а живут. Младший и в деда и в мать: на материнском лице, тонком, прозрачном, нежно и мягко вырисовались дедовские приподнятые глаза: уставится, смотрит ими полуторагодовалый заморыш, – грустно, грустно; тянет гнилым носом, подлизывает по временам языком и, точно булавкой, колет своими глазенками в сердце.

Дед на что ненавистник – ему хоть мир весь пропади, – и тот ровно чувствует к нему что. Не может смотреть, – замутит что-то внутри и пойдет, пойдет, – только рылом вертит.

– Ишь, чувствует... – наблюдает и передает свое наблюдение Илья жене.

И, бывало, что выпросить – уж с внуком идет Илья – что-нибудь да урвет – только уводил бы скорее внука.

А то заметит дед внука на улице, остановится в расщелине у ворот – его не видно, – и глядит на внука и тянет к нему не то охота приласкать, не то схватить за ножонки да об угол, чтоб и духу его не было, не мутит бы душу. А там отойдет и забудет и об внуке и об сыне: пропадите вы все пропадом – брюхи ненасытные, пустые...

Только бы еще от этого разбойника Пимки – второго сына – отвязаться. Эх, и растет же разбойник! В кого уродился только. Глаз черный, сам черный, злой – словно кровь какая эфиопская в нем. Бывало, бьет его отец – как волчонок бросается, скачет. Бьет, бьет до полу-смерти – бросит, добил... Отдышался – опять такой же. И такой пакостный, и страху в нем нет. Илья, бывало, так и затрусится, а этому хоть что! Лезет, хоть убей вот его, – нет в нем страху, злость одна дьявольская сидит.

Подарил господь детками. Ну да скоро уж забреют лоб в солдаты. Уйдет – назад не вернется: не тот товар.

Ах, каверзный! подрубил сусек с Алешкой: половину ржи вытаскал. Ну и отодрал же отец.

Илья давно тянет отца:

– Брось, тятка, будет... брось...

Куда там брось! посинел отец, налились глаза: помнит одно, что отбить охоту навсегда, на веки вечные надо хлеб таскать, и бьет, бьет без памяти, без передышки.

Людей уж догадался скричать Илья, а то тут бы и прикончил сына – дорвался! Едва оттащили.

Отдышался, в город сбежал. Кошка шkodливая, дьявольская: хвост задрала – пошла.

Только назад не приходи, проклятый, пропадай ты пропадом, чтоб и не видел и не знал, был ли ты, нет ли на свете. А уж придешь... Врешь, уйдешь назад, откуда пришел!! Лиха беда впервые отвадить!

И забыл отец, что любил сам же когда-то того, кого выгнал теперь из дому, кого гонит из сердца. Давно это было. Ильке тогда девятый пошел. Пимке всего четвертый. Пойму тогда сняли: так всей семьей и уехали на сенокос. Ушли отец с матерью на работу, а детей оставили у табора.

Скучно парнишкам. Глядят: лес, за лесом камыши, болота потянулись, река прошла.

– Айда, Пимка, – говорит Илька, – в лес ягоды собирать... В лесу мно-о-го... кучи.

Пошли братья. Поспевает Пимка – в рубашонке одной, брюхо вперед – кучи ягод загре-
бать.

В мочежинном лесу какая ягода? гнилой лес, да сырая земля, да всякий хлам лесной: листья сухие, ветки. Нет ягод.

Ягод нет, другое есть: Илька шишку поднимет, попробует на зуб, бросит; выглядывает по деревьям – не увидит ли ореха где; покажется там, ровно где-то в лесу меж деревьев про-
шмыгнуло что: заяц, лисица ль... присядет, затаится и глядит, не шевельнется...

А у Пимки одна думка. Идет, черными глазенками своими водит по сторонам, где эти кучи ягод сложены.

Хватился Илька брата: туда-сюда – нет его. Испугался, кричит – нет. Что бы к народу, – вернулся к стану и молчит, никому не говорит. Уж к ночи кинулась мать: нет Пимки. К Ильке. Илька отбежал от стана – ревет:

– Пимка в лесу заблудился...

Бросились, сколько было на сенокосе народу, в лес: кричат, аукают – нет нигде. Может, и тут он где, – так малыш, может, и слышит, что кличут, а ума нет отозваться. Проискали до полночи: никакого следу. На другой день уж вся деревня выехала. Шутка сказать, ребенок в лесу: зайдет в камыши, – волки, да и так, ночь-то по лесу бродя без мамки, страху-то одного сколько наберется; комары, змея где, мало ли... Весь день проискали. Уж к вечеру отцу попался. Мимо б прошел, да догадался в сторону заглянуть: а он стоит, в ручонки набрал цветиков, травы, – глядит... Увидел отца – рассмеялся, тянет ему цветочек. Даром что жесткий, подхватил сына на руки и, кажись, не расстался б, а слезы сами так и льются. У него ль одного? Все, кто был, глядят, удержаться не могут... Шутка сказать – ночь-то целую, день, как провел, где спал, ел ли что? Страхов каких насмотрелся; може, волчица вплоть-то была возле ангельской души? Так и уснул на отцовских руках, намаялся, сердечный. Спит, а в руках цветочки. Несет его отец к табору, вся деревня сзади. Забыли и об работе, ровно праздник какой. Плачут бабы, а отец и не видит от радости ничего. Думал тогда ввек не изжить радости.

Изжил. В помыслах, да в заботе паскудной, да в корысти всю радость изжил. Ненавистником стал. Ровно и видит только брюхи одни пустые, ненасытные кругом себя: вот-вот отберут, расхватают всё... Пропали бы вы все пропадом, а то забрать добро и уйти куда, чтоб и не нашел никто.

Птицы к осени за моря да за горы, а Пимка к отцу на даровой хлеб.

Идет невеселый: какое веселье с воли да к такому отцу. Так ведь куда ж пойдешь? Не чужой... Обязан кормить дитя. Обязан-то обязан, да чуёт Пимка, что взяться ему за отца нечем: прогонит и все тут. Эх, бросил бы, ушел назад с компанией хороводить... дай срок зиму пережить: лето придет – уйду.

Пришел домой Пимка и присел на завалинке отцовского дома. Сидит, в избу не идет: то ли боится, то ли кориться отцу неохота.

Вышел отец за ворота, глядит, какой ему подарочек из города пришел. Молчит отец, молчит и сын. Отец глядит, ровно не видит сына, и Пимка глядит себе под ноги да копается пальцем в дырявом лапте.

– Ты иди куда знаешь...

– Куда я пойду?

Молчит отец.

– Куда я пойду? Кто отец, тот и должен свое дите кормить...

– Вот возьму, проклятое отродье, полено, перебую ноги, – отвадится кошка дьявола на старое место таскаться.

Хлопнул калиткой и ушел.

Идут мимо, здороваются с Пимкой люди да спрашивают об городе. И стыдно и злость, – отвечает сквозь зубы, не глядит: провалитесь вы все – не до вас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.